

RU

Лингвокультурологический потенциал зооморфной метафоры
в русской и китайской фразеологии

Бе Чуньхун, Грязнова А. Т.

Аннотация. Цель исследования – выявление этноспецифических закономерностей формирования культурной коннотации на основе зооморфного метафорического переосмысления лексических компонентов русских и китайских фразеологических единиц. В статье рассмотрена репрезентация метафорического осмысления зоонимов, характеризующих лицо с точки зрения внешности, характера, речевой деятельности, интеллекта, межличностных отношений, эмоционального состояния и поведения. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые посредством структурно-семантической характеристики зоофразеологизмов дается их сравнительный лингвокультурологический комментарий, включающий этимологическое описание, анализ внутренней формы, фиксацию структурно-семантической модели, а также выявление стереотипической составляющей. В результате исследования установлено, что в русской и китайской языковых картинах мира существует значительное число метафорических моделей и этноспецифических стереотипов с зоокомпонентом, что способствует успешному сравнению лингвокультурологических механизмов концептуализации действительности.

EN

Linguistic and cultural potential of zoomorphic metaphor
in Russian and Chinese phraseology

Chunhong Bie, A. T. Gрязова

Abstract. The purpose of the study is to identify ethnospecific patterns of cultural connotation formation based on zoomorphic metaphorical reinterpretation of lexical components of Russian and Chinese phraseological units. The article considers the representation of the metaphorical understanding of zoonyms that characterize a person in terms of appearance, character, speech activity, intelligence, interpersonal relationships, emotional state and behavior. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time, through the structural and semantic characteristics of zoophraseological units, their comparative linguistic and cultural commentary is given, including an etymological description, analysis of the internal form, fixation of the structural and semantic model, as well as identification of the stereotypical component. The study revealed that in the Russian and Chinese language worldviews there are a significant number of metaphorical models and ethnospecific stereotypes with a zoo component, which contributes to the successful comparison of linguistic and cultural mechanisms of conceptualization of reality.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью упорядочения результатов сравнительного лингвокультурологического описания русской и китайской зооморфной метафоры, что позволит не только лучше понять особенности русского и китайского менталитета, но и приблизиться к пониманию принципов структурирования русско-китайского лингвострановедческого словаря. В статье на фразеологическом материале подробно описаны модели языковой репрезентации акционально-зооморфного кода.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- отобрать и систематизировать зооморфные метафоры со сферой оценки внешности, черт характера или особенностей поведения человека в русском и китайском языках;
- определить основания метафорических проекций;
- выявить и описать модели метафорического переосмысления зоонимических образов русского и китайского языков в культурно-специфическом аспекте.

Материалом для исследования послужила картотека переносных значений зоонимов в русском (55 единиц) и китайском (53 единицы) языках, метафорически проецируемых на обозначения характеристик внешности

человека, черт характера и поведения человека, извлеченных методом сплошной выборки из следующих лексикографических источников:

- Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. Изд-е 7-е, стереотип. М.: Русский язык, 2000;
- Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. Изд-е 3-е, испр. М.: Астрель; АСТ, 2008;
- Фелицына В. П., Мокиенко В. М. Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь / под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. М.: Русский язык, 1990;
- Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-Пресс книга, 2012;
- Современный китайско-русский словарь. 北京: 外语教学与研究出版社 (Пекин: Издательство по преподаванию иностранных языков и исследованиям), 2002.

Их выбор обусловлен тем, что на фоне других средств репрезентации зоометафор (фоновая семантика, внутренняя словообразовательная форма лексем, переносные значения многозначных слов), они обладают наибольшей стабильностью в силу устойчивости формы и фиксированного положения в национальной языковой картине мира. Термин *фразеологизмы* мы понимаем широко, включая в их состав фразеологические сращения (*собаку съест*), фразеологические единства (*стреляный воробей*), фразеологические сочетания (*собачий холод*), фразеологические выражения (*Пуганая ворона и куста боится*), а в китайском языке 成语 (чэньюй) буквально переводится как «готовое выражение», его альтернативные наименования – «устойчивые обороты» (*瘦得像猴 / худой как обезьяна*), «идиомы» (*一鸣惊人 / впервые запев, изумить всех* (о птицах, «молниеносный успех»)), «идиоматические выражения» (*蛇头鼠目*, дословно *змеиная голова, крысиные глазки*, «человек с маленькой головой и маленькими глазами») и «крылатые слова» (*好马不吃回头草*, дословно *хорошая лошадь не ест траву на обратном пути*, метафорически о целеустремленном человеке). Приведенные примеры репрезентируют зооморфный код культуры, т. е. наименования животных, птиц и насекомых, в свернутом виде содержащие стереотипные характеристики человека. Например, фразеологическое единство **темная лошадка** и устойчивое словосочетание **黑马** (*черные лошади*) метафорически описывают человека, о котором мало известно, но который может совершить неожиданный, как правило, опасный для окружающих поступок. Кроме чэньюев 成语 существуют и другие виды китайских фразеологизмов, в частности 惯用语 (гуань юн юй), 歇后语 (се хоу юй), 谚语 (янью юй), 俗语 (су юй), которые также содержат зоонимические метафоры.

Теоретическую базу составляют работы в области исследования механизмов образования метафоры (Телия, 1996; Большой фразеологический словарь..., 2012), в том числе зооморфной (Красных, 2002; Гаврилюк, 2013; 2015; Фатюшина, Семина, 2017; Богданова, 2023; Николаева, Исаев, 2018), структурно-семантического моделирования иноязычной фразеологии (Никитина, 2020) в лингвокогнитивном аспекте (Гридина, Коновалова, 2020), зооморфной метафоры в сопоставительном аспекте (Линь Сюе, 2019; Тан Юе, 2022; Гаврилюк, 2023).

В процессе изучения материала нами были использованы методы компонентного, лексического, фразеологического, стилистического и лингвокультурологического видов анализа. Комплексное использование этих методов позволило глубже проанализировать выбранные языковые единицы, в которых отражаются стереотипные национально-культурные представления о внешности, чертах характера, особенностях поведения носителей языка, соотносимых с архетипами, мифами, образами, символами. Для полного толкования изученных материалов применялись общие методы: прием обобщения, классификация языковых единиц, сопоставительный анализ и культурологический комментарий. Для удобства исследования языкового материала нами применяется следующий алгоритм: 1) определение тематической группы и структурной модели, к которой принадлежат фразеологизмы; 2) уточнение значения языковых единиц посредством обращения к словарным толкованиям (Федоров, 2008; Большой фразеологический словарь..., 2012); 3) анализ внутренней формы фразеологизмов на основе этимологии и происхождения переносного значения; 4) описание образной внутренней формы; 5) раскрытие стереотипного представления и эмоционально-оценочной характеристики фразеологизмов. В своих наблюдениях мы следуем от общего (универсального) содержания к частному (национально-специфическому).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы в процессе преподавания курсов лингвокультурологии, фразеологии, теории и практики перевода, теории и практики межкультурной коммуникации, в практике преподавания русского и китайского языков как иностранных, а также при составлении русского лингвокультурологического словаря фразеологизмов, адресованного иноязычной аудитории.

Обсуждение и результаты

Как свидетельствуют исследования видных российских фразеологов и лингвокультурологов, русская метафора представляет собой одно из важных средств формирования вторичных наименований, отражая особенности мировоззрения носителей конкретного национального языка. Ее важное свойство – антропометричность, позволяющая говорящему «измерять» всё новое по своему образу и подобию, с которым человек встречается в практической деятельности, в жизненном опыте» (Телия, 1996, с. 134-137). Не менее частотное свойство метафор – зооморфизм, который является отражением проекции внешнего облика, поведения, привычек животных на образ жизни человека (ср.: канцелярская крыса – «чиновник, канцелярист, для которого деловые бумаги важнее реальных людей»; тыловая крыса – «человек, отсиживающийся в тылу во время войны»).

Зооморфная метафора является основным средством репрезентации зооморфного кода, который понимается как «совокупность обусловленных культурой стереотипных представлений о свойствах, характеристиках или особенностях поведения животных, которые выступают как источник осмысления человеком мира и несут в дополнение к своим природным свойствам функционально значимые для культуры смыслы» (Красных, 2002, с. 256). Изучение зооморфной метафоры позволяет описать характер и поступки человека с помощью стереотипов, закрепившихся в народной культуре. В языковом сознании русского и китайского народов животные метафорически характеризуют такие черты человека, как внешность, характер, речь, состояние, деятельность, поведение, социальное положение и др. Когнитивная сущность зооморфной метафоры служит средством познания окружающего мира и средством оценки поступков и качеств человека сквозь призму характера и поведения животных (Богданова, 2023, с. 25).

Н. В. Николаева и Ю. Н. Исаев (2018) в своих исследованиях отмечают, что в лексике любого языка существует богатый тематический пласт названий диких и домашних животных, птиц, рыб и др., который назван термином **зооним**. В русском языке зоонимические метафоры являются важным средством не только выразительности и оценки, но и концептуализации действительности (Николаева, Исаев, 2018, с. 284).

Е. Ю. Фатюшина и О. Ю. Семина (2017, с. 156) изучали зоонимические метафоры со значением отрицательной оценки человека в речи билингвов, целью их исследований является раскрытие образно-ассоциативного восприятия процессов ментального характера в разносистемных языках, где зоонимы образуют большую часть вторичных метафорических значений.

В китайском языке зооморфизмы выступают как средство качественно-оценочной характеристики человека, которые изучаются с точки зрения классификации зоонимических метафор, вызывающих особый интерес у китайских исследователей. Считается, что зооморфная метафора характеризует человека на основании образных аналогий в виде оценочных суждений и используется для оценки внешности, черт характера или особенностей поведения человека (Гаврилюк, 2013, с. 136).

Сравнительное исследование зооморфных метафор на материале русского и китайского языков показало, что одним из универсальных средств концептуализации мира является модель «животное → человек» (Гаврилюк, 2015, с. 109), в языковой реализации которой отражены этнолингвокультурологические особенности и национальное мировидение.

Универсальным свойством русских и китайских зоофразеологизмов является то, что при их создании в качестве грамматически стержневого компонента могут принимать участие слова разных частей речи, в первую очередь существительные (*белая ворона, козья морда, как птица небесная*) и глаголы (*показать зубы, бить копытом, навострить уши, вилять хвостом*). Китайские зоофразеологизмы также включают стержневые компоненты разных частей речи, в первую очередь глаголов и существительных, например: 老黄牛 (*старый вол – «добросовестный человек»*), 摇尾乞怜 (*вилять хвостом – «заискивать»*), 张牙舞爪 (*оскалывать зубы и выпускать когти – «впасть в ярость»*), 狗仗人势 (*собака пользуется покровительством человека – «плохой человек полагается на чью-либо влиятельную поддержку»*) и др.

При этом отношения русских и китайских фразеологических эквивалентов и соответствий характеризуются структурно-семантической асимметрией, которая проявляется в том, что один и тот же или схожий смысл может передаваться устойчивыми выражениями разной формальной типологии: например, фразеологическое единство *волк в овечьей шкуре*, означающее злого человека, скрывающего свои дурные намерения под благообразной личиной, при переводе может быть заменено китайской поговоркой 披着狼皮的羊 (*пи чжэ лан пи дэ ян; одетый в шкуру волка баран*).

В то же время зоонимы в составе фразеологизмов могут выступать в роли семантически опорного слова, зависимого в грамматическом отношении. Особенно часто в этой роли выступают прилагательные (*волчий аппетит, волчья хватка, лебединая верность*) и существительные в составе образа сравнения (*как собака: замерз, устал, злой*).

Анализ научных источников показывает, что их структурно-семантические модели описаны достаточно подробно в монографии «Славянская фразеология» В. М. Мокиенко (1980), активно используются при исследовании фразеологических систем. Достаточно подробно изучена продуктивность мотивационных и структурно-семантических моделей в межкультурном плане на основе результатов структурно-семантического моделирования иноязычной фразеологии (Никитина, 2020, с. 175-177).

Образное значение языковых единиц передается с помощью метафорической модели «внешность животных → характеристика человека». *Белой вороной* называют человека, непохожего на окружающих, говорится с иронией. Образ фразеологизма создается метафорой: *белые вороны* встречаются в природе крайне редко, аналогично им человек, обладающий необычной внешностью или поведением, выделяется на фоне других. При интерпретации этого фразеологизма не стоит забывать, что черный цвет, присутствующий в оперении вороны, в русской языковой картине мира ассоциируется со злом (ср.: *накаркал, воронья стая*), белый цвет, напротив, символизирует добро. Похожий смысл передается китайским фразеологизмом 鹤立鸡群 (*хэ ли цзы цюнь*), который буквально переводится как «журавль стоит в стае кур», метафорически характеризуя тех, кто, обладая красивой внешностью или замечательными способностями, выделяется среди окружающих. Образ фразеологизма восходит к представлению о курице как об обычной домашней птице, в то время как журавль считается одним из самых благородных животных и символом святости, элегантности и долголетия.

Фразеологизм **старая лиса** метафорически характеризует хитрого и лукавого человека, произносится с иронией (ср.: *хитрый как лисица*). Его эквивалентом является китайский фразеологизм 老狐狸 (лао ху ли; *старая лиса*). В русской и китайской культурах лиса символизирует животную хитрость и смекалку.

Фразеологическое сочетание **змея подколотная** в русском языке относится к грубо-просторечным оборотам и бранно характеризует злобного, предельно коварного, отвратительного человека (Федоров, 2008, с. 258), говорится с осуждением. Китайский фразеологизм 蛇蝎心肠 (шэ се синь чан) дословно переводится как «*сердце змея и скорпионов*», где зоонимы метафорически описывают человека бессердечного, жестокого. Образ фразеологизма основан на представлении человека о змее и скорпионе, которые являются ядовитыми существами. Ср. русск.: *Змея кусает не ради сытости, а ради лихости; В речах по-соловьиному, а в делах по-змеиному*. 蛇头鼠眼 (шэ тоу шу янь; *змеиная голова, крысиные глазки*) обозначает отвратительную внешность и душу человека. Образ **змеи** может использоваться двояко: как для положительной, так и для отрицательной характеристики в обеих культурах, он ассоциируется с мудростью, злом, дьяволом, грехом, коварством и т. д. Анализ символики змеи обнаруживает связь образа с мифологической и религиозной картинами мира, черты которых репрезентируются метафорическим значением. **Змеиная мудрость** в русской религиозной картине мира означает благоразумие, не лишенное лукавства и хитрости (Федоров, 2008, с. 381). Ср.: *змеиный ум; Мудрый как змей*. В древнейшей цивилизации Китая змея также является олицетворением мудрости. В то же время 蛇精 (шэ цзин; *змея-оборотень*) – это коварная женщина; змея сама по себе является обманчивым и опасным животным. Эти метафорические употребления входят в группы «Характер человека» и «Интеллектуальная характеристика».

Для характеристики **сильного и крупного мужчины** используется китайский фразеологизм 虎背熊腰 (ху бэй сюн яо; *спина тигра и поясища медведя*). Данная фразеологическая единица мало используется для описания женщины, если это случается, то с негативной коннотацией. Фразеологизм 虎头虎脑 (ху тоу ху нао) переводится как «голова тигра, мозг тигра» и употребляется для характеристики здорового ребенка. 母老虎 (му лао ху) в дословном переводе значит «тигрица», метафорически называет свирепую женщину. 笑面虎 (сяо мянь ху; улыбающийся тигр) относится к двуличному человеку, говорится с уничижительным оттенком. В китайской культуре существуют многочисленные фразеологизмы со словом *тигр*, как показывают примеры, ему приписывают и положительные, и отрицательные свойства.

В русской и китайской культурах некоторые образы животных отличаются в семантическом и коннотативном аспектах. Символом трусости в русской языковой картине мира является заяц, ср.: **трусливый как заяц**. Этот образ отражается в следующих фразеологических единицах: *Лучше умереть орлом, чем жить зайцем; Жаден как волк, а труслив как заяц*. Ему соответствует китайский фразеологизм 胆小如鼠 (дань сяо жу шу; *трусливый как мышь*). Метафора создана на основе наблюдения за ее повадками, в китайской культуре она считается самым трусливым животным. Это отражается в поговорке 老鼠见了猫——魂都吓掉了 (лао шу цзянь лэ мао – хунь доу ся дяо лэ; *Мышь увидела кошку – душа в пятки ушла*).

Крылатое выражение **Сильнее кошки зверя нет** используется иронически 1) для характеристики того, кто позиционирует себя как сильную могущественную личность; 2) для человека с ограниченным мировоззрением, не подвергающим свою точку зрения сомнению. Происхождение фразеологизма связано с басней И. А. Крылова «Мышь и крыса», образная речь восходит к древнему представлению о кошках: с позиции крысы, кошка является самой мощной и страшной. Героиня басни отличается ограниченностью мышления, поскольку она даже не понимает, что лев – царь зверей. Эквивалентом русской крылатой фразы является китайский фразеологизм 井底之蛙 (цзин ди чжи ва; *лягушка на дне колодца*) – образ, который взят из басни, рассказывающей о том, что лягушка со дна колодца может видеть часть неба, ограниченную стенками сруба, метафорически описывает недалёковидных людей. Ср. 坐井观天 (цзо цин гуань тянь). В буквальном переводе – «сидеть в колодце и смотреть на небо», т. е. описывает человека с ограниченными взглядами, узким кругозором.

Для описания **чрезмерного упорства и упрямства** используются русские выражения **упрямый как бык; упрямый как осел; уперся как баран**. Их эквивалентами являются такие китайские фразеологизмы, как 牛脾气 (ню пи ци; *бычий нрав*) и 驴脾气 (люй пи ци; *ослиный нрав*), 犟得像头驴 (цзян дэ сян тоу люй; *упрямый как осел*), 十头牛都拉不回来 (ши тоу ню доу ла бу хуй лай; *десять быков не повернут*). Метафора восходит к тому, как воспринимаются повадки животных в рациональных картинах мира.

Близка к предыдущей семантическая модель «**когнитивный потенциал животного** – интеллектуальная характеристика человека», которая распространяется на названия домашних животных и птиц.

Куриная память употребляется для описания забывчивого человека, имеет негативную окраску. Такой человек быстро забывает какую-либо информацию, что снижает его когнитивные способности. Китайское устойчивое выражение 猪脑子 (чжу нао цзы; *свиной мозг*) описывает человека, который так же глуп, имеет плохую память. Выражения **глупая свинья** и **тупая свинья** часто употребляются китайцами как ругательства. Фразеологическое единство **как свинья в апельсинах** метафорически описывает малообразованного человека, который совершенно не разбираться в тонких и деликатных вопросах; употребляется с ироническим оттенком. В обеих картинах мира свинья выступает как эталон приземленности, грубости и необразованности. Похожими характеристиками в русской языковой картине мира обладают образы осла, мерина, ср.: **глуп как осел; старый осел; глуп как сивый мерин** и т. п.

Для обозначения непонимания простых вещей используется фразеологическое единство **смотреть как баран на новые ворота**, которое произносится с неодобрением. Образ создается устойчивым сравнением: «баран

считается глупым животным, будто не узнает своего двора, так долго смотрит на новые ворота, не решаясь войти» (Фелицына, Мокиенко, 1990, с. 25). Фразеологизм выступает как эталон интеллектуальной тупости человека.

В отличие от перечисленных зоометафор, обладающих отрицательной оценочностью, фразеологизмы со стержневым компонентом *лошадь* и его дериватами содержат положительную оценку: *лошадиная память* («хорошая память»); *рабочая лошадка* («человек, систематически безропотно выполняющий тяжелую работу и не требующий за это вознаграждения»); *старый конь борозды не испортит* («пожилой человек, несмотря на физическую слабость, сохраняет полученные навыки и успешно их использует»).

Следует обратить внимание на то, что в семантике всех перечисленных устойчивых единиц содержится сема 'поведение', которая входит в число гипо – или потенциальных компонентов смысла. По сути дела, внешняя и интеллектуальная характеристики являются отражением не только натуры животного, но и внутренней сущности человека, которая фиксируется посредством метафоры.

Слабее описана метафорическая модель «поведение человека уподобляется поведению животного», которая реализует акционально-зооморфный код. Его общая семантика может быть охарактеризована с помощью формулы «животный мир отражает отношения между людьми: поведение животных проецируется на человеческие поступки, становясь эталонной образной характеристикой представителей национально-культурного сообщества». Дадим зоофразеологизмам этой группы более подробную характеристику.

1. Семантическая модель «звук, издаваемый животным – речь». Во фразеологизмах для характеристики речевой деятельности человека используется метафорическая модель «звуковая коммуникация животного → содержание речи человека». В данной группе наблюдается типологическая асимметрия образов животных в двух языках, при том что образы фразеологизмов основаны на модели «звуки, издаваемые животным (птицей) X → содержание речи человека».

Русский фразеологизм *заливаться соловьем* свидетельствует о красноречии, употребляется шутливо или с иронией для характеристики человека, который говорит с жаром, увлекается своей речью, пытается произвести впечатление на окружающих иногда с выгодой для себя. Такая манера речи часто вызывает у окружающих неприятное ощущение, несмотря на то, что в русской языковой картине мира пение соловья служит эталоном красивого голоса. Образ создается на основе сходства между пением соловья и содержанием человеческой речи посредством актуализации сем 'излишне долго', 'чрезмерно красиво' (Большой фразеологический словарь..., 2012, с. 227).

Китайский фразеологизм 鸚鵡學舌 (ин ву сюе шэ) буквально переводится как «попугай подражает человеческой речи» и метафорически характеризует человека, который только повторяет чужие слова, не имея собственного мнения. Образ фразеологизма восходит к стереотипному представлению о птице *попугай*. Ср.: *петь с чужого голоса, попугайничать*. Схожее значение передает фразеологизм 吠形吠声 (фэй син фэй шэн) с первичным значением «одна собака лает, когда видит человека или тень какой-то вещи, и многие собаки также залаяли за ней, когда слышат звук».

Прожужжать все уши – «предельно надоесть постоянными разговорами об одном и том же, говорится с пренебрежением» (Федоров, 2008, с. 536). Внутренняя форма фразеологизма построена на метафоре, уподобляющей монотонную речь человека жужжанию насекомых, такая речь надоедает. Фразеологизм передает стереотипное представление о надоедливо-неустанном стремлении внушить кому-либо что-либо. Мотивационной моделью данного фразеологизма является «звуки, издаваемые насекомым – монотонная речь».

Для выражения распространения слухов используется поговорка *Свинья скажет борову, а боров всему городу*. Образ создается зооморфным олицетворением, являющимся разновидностью метафоры. Действия свиньи и борова уподобляются распусканию слухов. В основе олицетворения лежит стереотипное представление о свинье как о грязном животном, оно проецируется на нравственную характеристику речевого поведения человека. Ср.: *Сорока скажет вороне, ворона борову, а боров всему городу*. В китайском языке животное *свинья* выступает как эталон низкого и подлого человека, имеет символику невежества, глупости и лени. Ср.: 猪朋狗友 (букв. *товарищ свиньи и друг собаки* – «плохой друг, который ленив и не работает должным образом»), 懶猪 (*ленивая свинья*), 蠢猪 (*глупая свинья*), 笨猪 (*тупая свинья*) и др. Таким образом, модель этих устойчивых выражений в обобщенном виде может быть охарактеризована с помощью модели «звуки, издаваемые животным X – неподобающее речевое поведение человека».

Для выражения пустых обещаний используется русская поговорка *Наделала синица славы, а море не зажгла*. Она обозначает громкие, но пустые обещания, говорится с иронией и презрением. Образ восходит к басне «Синица» И. А. Крылова: «Синица за море летела и море зажигать хотела, синица много на шумела, да не было из шума дела». Поговорка передает стереотипное представление о хвастливых обещаниях, оказавшихся неисполненными. А китайская легенда 精卫填海 (цзин вэй тянь хай) метафорически означает решительную волю, не боящуюся трудностей. Цзинвэй является божественной птицей, заваливает камнями *Восточно-Китайское море*. Позже этот фразеологизм стал использоваться для обозначения решимости сообщить о глубокой ненависти. Обобщенная модель этих устойчивых выражений выглядит следующим образом: «запечатленное в художественных текстах комическое/величественное поведение животного/птицы X – вызывающее насмешку/уважение поведение человека».

В русской культуре образ сороки сопровождается негативной оценкой, поскольку он характеризует чрезмерно говорливую женщину. Ср.: *Она трещит как сорока; сорочья болтовня; болтливая сорока*. Поговорка *Сорока на хвосте принесла* произносится иронически о сомнительном источнике сообщения, которое содержит слухи, сплетни. Пословица *Всякая сорока от своего языка гибнет* обладает метафорической

внутренней формой, которая построена на сравнении речевого поведения человека и его последствий с криком сороки, т. е. человек может погибнуть от собственной болтливости. Поговорка *Заладила <как> сорока Якова* сообщает о надоедливом повторении одного и того же, образ создается сравнением человека с сорокой, которая переносно означает человека, повторяющего одно и то же. Сорока 喜鹊 (си цюе) в китайской культуре, напротив, считается символом удачи и счастья, крик сороки, по преданию, приносит людям радость. Образ этой птицы запечатлен во многочисленных китайских паремиях: например, в поговорке 喜鹊叫, 喜事到 (Сорока кричит, радостное событие), 鹊噪有天福 (трескотня сорок – «предвестие большой радости»), 天上多飞鹊, 年年丰收多 (на небе много сорок – «ежегодно богатый урожай») и т. п.

Для выражения напрасной траты сил на объяснение тому, кто не способен понять, использованы фразеологизмы *метать бисер перед свиньями* и 对牛弹琴 (дуй ню тан цинь; буквально «перед буйволом играть на лютне»). Бисер символизирует что-либо ценное, свинья служит эталоном недостойного человека, выражение выступает в роли символа поднесения дара неспособным его воспринять. Обобщенную модель этих устойчивых выражений можно описать следующим образом: «осуществлять действия перед животным X, которые оно не может адекватно интерпретировать – безуспешные попытки приобщить неподготовленного человека к культурным/нравственным ценностям». Эти стереотипные языковые единицы отражают универсализм и своеобразие этноязыкового сознания.

2. Семантическая модель «Эмоциональное состояние и его физические проявления у животного – эмоциональная реакция человека». Эмоция является реакцией человека на окружающую действительность и обнаруживает национально-культурную специфику. Так, представители русской культуры открыто выражают как радость, так и скорбь, в то время как китайцы более сдержаны в проявлении своих чувств. Это особенность находит отражение и в зоофразеологизмах.

Фразеологизм *скалить зубы* выступает как эталон усмешки, негодования, возмущения или угрозы, он характеризует человека, высмеивающего кого-либо или угрожающего, путем отсылки к образу собаки. Китайский фразеологизм 张牙舞爪 (чжан я у чжуа) дословно переводится как *скалить зубы и выпускать когти*, он описывает лютую ярость или дикое бешенство.

Фразеологическое единство *кошки на сердце скребут* выражает гнетущую тоску, тревогу и беспокойство, его внутренняя форма создается посредством сравнения царапин от острых когтей кошки и неприятных чувств, вместилищем которых в русской языковой картине мира считается сердце. Физические ощущения, вызывающие неприятные ассоциации у человека, обусловили негативную оценку устойчивого оборота. В языческой мифологии кот рассматривается как воплощение нечистой силы, эта ассоциация не угадывается современными носителями языка, но вполне могла участвовать в создании внутренней формы фразеологизма. В китайском языке есть аналогичные устойчивые выражения, например 心里像猫抓一样 (син ли сянь мао чжуа и ян), буквально «на сердце как кошки скребут», 百抓挠心 (бай чжуа нао синь) – *сотня когтей цепляется за сердце*.

Фразеологическое единство *мурашки бегают по спине* экспрессивно передает ощущение озноба от внезапного сильного страха, волнения и т. п. Образ фразеологизма связан с ассоциацией, когда муравьи бегают по спине человека, что вызывает неприятные ощущения. Схожий, но гораздо более экспрессивный образ находим в китайском устойчивом выражении 万蚁噬心 (вань и ши синь; *тысячи муравьев пожирают сердце*).

Для передачи страдания и тоски образно употребляется фразеологическое единство *волком выть*. Оно описывает сильное проявление эмоций человека, которые ему трудно сдержать и хочется выразить стоном. Похожий образ находим в китайской поговорке 鬼哭狼嚎 (гуй ку лан хао; *Черт плачет, волк воет*).

Пуганная ворона и кушта боится. Эта поговорка обозначает излишнюю осторожность, ее образ создается на основе зооморфной метафоры, в которой психическое состояние человека уподобляется поведению птицы. Страх вороны обусловлен ее боязнью безопасных предметов, что вызвано прежним опытом. Аналогичным образом ведет себя и человек. Среди эквивалентов этого выражения находим китайский фразеологизм 惊弓之鸟 (цзин гун чжи няо; *испуганная луком птица*), который возник на основе сюжета басни: птица, испуганная луком и стрелами, не может легко успокоиться; метафорически обозначает испуганного человека.

3. Семантическая модель «отношения между животными → взаимоотношение между людьми». Поговорка *Два медведя в одной берлоге не уживутся* означает, что в одном доме не может быть двух хозяев, в учреждении – двух руководителей; так говорят о двух соперниках. В русской народной литературе отражаются такие образы медведя как добрый, милый, неуклюжий, жадный, храбрый, могучий и т. п. В наивной картине мира медведь также олицетворяет силу и власть, ср. поговорку *Закон – тайга, медведь – хозяин*. Сходный смысл передает китайская пословица 一山不容二虎 (и шань пу жун эр ху) с дословным переводом «*На одной горе двум тиграм не жить*»; метафорически показывает, что два сильных человека не могут жить в одном месте.

Для передачи враждебных взаимоотношений между людьми используется и фразеологизм *жить как кошка с собакой*, который обладает яркой экспрессивной окраской и отрицательной оценкой. Внутренняя форма фразеологизма обусловлена тем, что собаки и кошки зачастую дерутся, между ними нередко возникают конфликтные ситуации.

Пословица *Ворон ворону глаз не выклюет*, имеющая глубокий смысл, подразумевает взаимную поддержку между безнравственными людьми. Образ пословицы восходит к повседневному наблюдению за воронами. Вороны считались умными и хищными птицами, слетавшимися на поля сражений и расклеивавшими тела павших, что отразилось во внутренней форме пословицы. Схожее значение передает китайский фразеологизм 天下乌鸦一般黑 (тянь ся ву я и бань хэй) (ср. с пословицей *Все вороны в мире одинаково черны*), который метафорически описывает дурных людей одного и того же типа.

Пословица **Волк коню не товарищ** выражает неприятные и агрессивные отношения между людьми. Образ этой поговорки относится к стереотипному представлению о волке и коне: волк жестокий и хищный, его суровую природу невозможно смягчить, а конь как домашнее животное выдержанный и покорный, их характеры сильно отличаются. Поговорка метафорически характеризует тех, кто не может совместно существовать или сотрудничать. Для сравнения: поговорка **Гусь свинье не товарищ** указывает на то, что люди разных социальных групп вряд ли достигнут взаимопонимания. Фразеологизм 燕雀安知鸿鹄之志 (янь цюе ань чжи хун ху чжи) значит «ласточкам и воробьям не понять устремления величественного лебедя», метафорически указывает, что простому человеку не понять цели великой личности. Образ лебедя обозначает человека с великими идеалами, воробей и ласточка уподобляются узколобому человеку.

4. Семантическая модель «инстинкт и поступок животного → поведение человека». Поговорка **Свинья везде грязь найдет** означает, что порочный человек найдет возможность проявить свои дурные наклонности в любой ситуации. Образ поговорки создается на основе наблюдений за повадками свиньи, которая валяется в грязи, поэтому в русской культуре считается нечистоплотным животным. Пословица содержит сравнение свиньи и человека, причем лексема *грязь* метафорически характеризует асоциальное или преступное поведение. Китайский фразеологизм 猪狗不如 (чжу гоу бу жу; хуже свиньи и собаки) описывает дурное поведение низкой личности.

Образ собаки актуализирован и в поговорке **Хвостом виляет, а зубы скалит**, которая используется для характеристики двуличного человека, произносится с неодобрением. Экспрессия создается зооморфной метафорой, уподобляющей поведение человека привычкам собаки. Ср.: *Не бойся собаки, что лает, а бойся той, что молчит да хвостом виляет*.

Пословица **<Одна> паршивая овца все стадо портит** означает, что «дурной человек своим поведением, поступками вредно действует на коллектив или создает о коллективе неблагоприятное впечатление» (Жуков, 2000, с. 246). В основе ее внутренней формы лежит образ овцы с кожным заболеванием, которая может заразить отару; он содержит сему 'зло' и сопровождается отрицательной оценкой. Овца выступает как образ жертвы, черной овцой нередко называют плохого человека (Токарев, 2008, с. 742). Образ паршивой овцы широко употребляется в русских публицистических статьях и литературе. См. китайский аналог 害群之马 (лошадь, которая весь табун портит).

Фразеологическое единство **крокодиловы слезы** обозначает лицемерное сочувствие. Образ фразеологизма связан с представлением о крокодилах как жестоких и коварных животных, которые тем не менее оплакивают свою жертву, поедая ее. Этот фразеологизм, проникший в русский язык через посредство латинского, метафорически характеризует ложные слезы. Схожее значение передает китайский сехоуэй (недоговорка, двучастное изречение) 猫哭耗子——假慈悲 (мао ку хао цзы цзя цы бэй) с буквальным переводом «кот оплакивает мышь, притворное сострадание».

При отражении окружающей действительности в языке как неотъемлемой части культуры любой народ аккумулирует специфическую систему ценностных установок. Так, русская пословица **Старый конь борозды не испортит**, характеризующая опытного человека, который, несмотря на возраст, способен успешно справиться с трудной задачей, может быть передана с помощью китайского соответствия 老马识途 (лао ма ши ту; *старый конь помнит дорогу*), метафорически означающего опытного человека, который играет ведущую роль даже в трудной ситуации. Эти фразеологизмы обнаруживают неполное совпадение как в формальном, так и в семантическом отношении, что обусловлено, с одной стороны, универсальными представлениями о хорошей памяти и успешной дрессировке лошадей, а с другой – русской традицией использования лошадей в процессе пахоты в противоположность китайскому обычаю использовать их только для передвижения и перевозки грузов.

Сопоставление русских и китайских фразеологизмов показало, что, несмотря на языковые различия, в основе их образности лежит общий механизм метафоризации, анализ которого позволяет выявить сходство и различия национальных менталитетов. Дуалистичность метафоры, проявляющаяся в сосуществовании в ее рамках универсальных и национально-специфических черт, объясняется спецификой механизма метафорического переноса, основанного на переосмыслении не только понятийных сем, что обуславливает его универсальность, но и фоновой семантики, отражающей особенности исторических, политических, экономических, географических, природных национальных мировоззренческих представлений.

Заключение

В процессе исследования было уточнено понятие зооморфной метафоры с лингвокультурологической позиции, нами была проанализирована система языковых единиц, которые используются для характеристики внешности, характера, поведения, интеллекта, состояния и отношения человека к окружающему миру.

Анализ семантических моделей фразеологизмов, содержащих зоонимическую метафору, обнаружил частотность использования в них наименований таких животных и птиц, как домашние: *лошадь, конь, овца, бык, собака, свинья, курица, кошка, осел, баран*; дикие: *волк, заяц, обезьяна, попугай, лиса, тигр, медведь, соловей, сойка, ворона*; рептилии: *змея, лягушка*; насекомые: *муравей*; грызуны: *мышь* и т. п. Наиболее частотны среди них названия таких животных, как *собака* (12 единицы), *конь* (10 единиц), *свинья* (10 единиц). При этом в русском языке частотны фразеологизмы со стержневыми компонентами: *собака* (7 единиц), *лошадь/конь* (6 единиц),

овца/баран (5 единиц), свинья (4 единицы) и т. п. В китайском языке преобладают устойчивые выражения со стержневыми компонентами *свинья* (6 единиц), *собака* (5 единиц), *тигр* (5 единиц), *лошадь* (4 единицы) и названиями некоторых других животных и птиц, при том что объектом образной характеристики часто выступают наименования органов тела, символизирующие способности человека.

Сравнение русских и китайских устойчивых выражений свидетельствует о том, что, несмотря на разницу структур языков, в ряде случаев они строятся по одинаковым семантическим моделям: «звук, издаваемый животным → речь», «эмоциональное состояние и его физические проявления у животного → эмоциональная реакция человека», «отношения между животными → взаимоотношение между людьми», «инстинкт и поступок животного → поведение человека», что помогает в процессе перевода.

Семантическое моделирование метафор, лежащих в основе зоофразеологизмов, свидетельствует о том, что наибольшую трудность для формулировки представляют устойчивые выражения с эксплицированным акциональным компонентом, который выражен глаголом. В то же время акциональный компонент в виде фоновых сем обычно присутствует в значениях субстантивных фразеологизмов, что необходимо учитывать при составлении лингвокультурологических словарей.

В числе перспектив дальнейшего сравнительного исследования русских и китайских метафор на фразеологическом материале назовем углубленное изучение процессов кодирования информации, характеризующей разные аспекты бытия человека, важное для составления русско-китайского и китайско-русского лингвокультурологических словарей.

Источники | References

1. Богданова Л. И. Человек в зеркале зооморфной метафоры // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 2.
2. Гаврилюк М. А. Внешность человека через призму зооморфной метафоры в русском и китайском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 9.
3. Гаврилюк М. А. Зооморфизмы китайского языка как средство аксиологической характеристики человека // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 10 (138).
4. Гаврилюк М. А. Зооморфная метафора как фрагмент китайской и русской языковых картин мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 10 (721).
5. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Метафора в свете национальной ментальности. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020.
6. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. М.: Гнозис, 2002.
7. Линь Сюе. Русский «медведь» и китайский «лун»: зоометафора в русском и китайском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77).
8. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1980.
9. Никитина Т. Г. Структурно-семантическое моделирование в сфере фразеологии: сорокалетний опыт и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. № 11 (2).
10. Николаева Н. В., Исаев Ю. Н. Краткий обзор исследований зоонимов // Вестник Чувашского университета. 2018. № 4.
11. Тан Юе. Зооморфная метафора в речи современной китайской и российской молодежи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 4 (859).
12. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
13. Токарев С. А. Мифы народов мира: энциклопедия / под ред. С. А. Токарева. М.: Советская энциклопедия, 2008.
14. Фатюшина Е. Ю., Семина О. Ю. Зоонимические метафоры со значением отрицательной оценки человека в речи билингов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-2 (78).

Финансирование | Funding

RU Данная статья является результатом этапа исследования в рамках проекта 《语言文化学视域下俄汉熟语中的动作文化代码比较研究》 (номер проекта: RCSK202318) – «Сравнительное исследование акционального кода культуры на материале русских и китайских идиом в рамках лингвокультурологического анализа», финансируемая за счет средств гранта для молодых исследователей Шихэцзынского университета.

EN This article is the result of this phase of the research project 《语言文化学视域下俄汉熟语中的动作文化代码比较研究》 (project number: RCSK202318) – "A Comparative Study of The Action of The Code of Culture on Russian and Chinese Idioms in The Framework of Cultural Analysis", financed by the grant for young researchers Siczynski University.

Информация об авторах | Author information

RU

Бе Чуньхун¹, к. филол. н.

Грязнова Анна Тихоновна², д. филол. н., доц.

¹ Шихэцзыский университет, Китайская Народная Республика

² Московский государственный педагогический университет

EN

Chunhong Bie¹, PhD

Anna Tikhonovna Griazova², PhD

¹ Shihezi University, The People's Republic of China

² Moscow State Pedagogical University

¹ 350612571@qq.com, ² grant09@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.11.2024; опубликовано online (published online): 24.12.2024.

Ключевые слова (keywords): зооморфная метафора; метафорическая модель; русская фразеология; китайская фразеология; лингвокультурологический комментарий; zoomorphic metaphor; metaphorical model; Russian phraseology; Chinese phraseology; linguistic and cultural commentary.